

Николай Постарнак родился в 1943 году. Закончив Пашковский сельскохозяйственный техникум и получив специальность техника-строителя, уехал по комсомольской путевке на строительство Сегежского целлюлозно-бумажного комбината в Карелию. Прошел почти весь Крайний Север от Мурманска до Анадыря, работая лесником, рыбаком, рабочим геодезической экспедиции, литсотрудником районной газеты на Колыме. Возвратившись на Кубань, был редактором радиовещания на строительстве Краснодарского водохранилища. Впервые напечатался в альманахе «Кубань» в 1963 году. Публиковался также в газете «Труд», журналах «Сельская молодежь» и «Север». Автор поэтического сборника «Обыкновенный день», изданного в Краснодаре. Живет на Кубани, в станице Кутаисской.

Николай Постарнак

ВЗГЛЯД

Николай Постарнак

ВЗГЛЯД

СТИХИ И ПОЭМА

*Дяде Николаю
с любовью,
о глупых людях
развивающих
Ю.М. Павлов
19-10
27.10.88*

Краснодарское книжное издательство
1988

Рецензент С. Н. Хохлов

Художник И. К. Ведерников

Постарнак Н. И.

П 63 Взгляд /Худож. И. К. Ведерников. —
Краснодар: Кн. изд-во, 1988. — 64 с.

«Взгляд» — вторая книга кубанского поэта, за-
явившего о себе смело, интересно несколько лет
назад, когда он выпустил в свет свой первый сбор-
ник «Обыкновенный день». Новые стихи Николая
Постарнака — зрелые, глубокие, честные. Они ли-
шены поэмы, стереотипности мировосприятия, поэто-
му исполнены жизненной силы, образности, предель-
ной искренности.

П 4702010200-52
М146(03)-88 — без объявл.-88

P2

ISBN 5-7561-0034-2

Николай Иванович Постарнак

ВЗГЛЯД

ИБ № 1914

Зав. редакцией В. Н. Елагин. Редактор В. П. Неподоба.
Художественный редактор С. В. Таранин. Технический ре-
дактор Л. В. Терещенко. Корректор Т. Ю. Федина.

Сдано в набор 10.05.88. Подписано в печать 08.07.88:
МА 09664. Формат бумаги 70x90/32. Бумага офсетная-школь-
ная. Гарнитура шрифта новая газетная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 2,34. Усл. кр.-отт. 2,63. Учетно-изд. л. 2,47:
Тираж 2500. Заказ 0215. Цена 25 коп. Краснодарское
книжное издательство. 350063, Краснодар, ул. Кирова, 3.
Адыблполиграфобъединение управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Краснодарского край-
исполкома. 352700, Майкоп, ул. Пионерская, 268.

ОТ ИСТОКА

1

Июль, июль —
Русоголовый жнец,
Приспело время нивам разрешиться.
И яблоку от ветки отделиться.
Приспело время слову утвердиться —
Произнеси его, коли не лжец.

2

Приспело время, и пришел гонец.
В кожанке,
Непохожий на пророка.
Через лицо — малиновый рубец.
— Издалека, товарищ?
— От Истока.

Ходил. Молчал. Ко всем событиям дня
Приглядывался, истиной томимый.
И молвил так:

— Нет дыма без огня.
И — есть огонь.
Но слишком много дыма.

3

Не волки побежали по земле.
Не гды поползли. Воскрес Иуда.
И стал стяжать от пашен и полей.
И — предал.
Предал Истину,
 паскуда.

Распяты на острие пера,
Дышали фальшью
Факты,

цифры,

 планы...

Молчал Иван, кивая на Петра.
И Петр молчал, кивая на Ивана.

И воронье затмило небосвод.
Картавый ор об-стл:
— Друзья, вам должно
Свободно жить. То истинно, что ложно.
И ложно то, что истиной слывет.

И горестно задумался народ:
Тут что-то не того,
Не без обмана...
Но вновь ссылался на Ивана Петр.
А Петр кивал ответно на Ивана.

4

А ты, поэт,
Что в спорах был горяч,
Ты, вывернув и душу, и карманы:

«Хоть плачь, — бубнил над пропастью стакана, —
Или глаза куда подальше прячь».

И потянулся ты к селу,
К земле:
Она одна, мол, не предаст вовеки.
Но бес, в любом сидящий человеке,
И тут поспел:
— Картоха-то — в цене!

Восстал твой дух:
— А как же — «виждь и внемли»?..
— Успеется. Вскопать бы только землю.

Вскопал-таки. Взрастил. Продал. Пропил.
И чистый лист слезою окропил.
Не шли стихи.
Не грели.
Не горели.

И там, где был недавно божий дар,
Гулял теперь, как алкоголь, базар.
И там, где мысли были, — ералаш.
И хохот за спиной:

— Ты наш,

Торгаш.

5

Князь сказал: «Веселне Руси —
Пити»...
Молвлю ныне,
На зарю перекрестясь:
— Буде пити, князь, — Руси не быти.
Не до жиру, —
Быть бы живу, князь.

И мать вошла.
Праматерь матерей
Иль просто мать —

его,
моя,
твоя ли...

Едва светало. Только я едва ли
Ошибся. Мне и стены подсказали,
И сердце подсказало мне, что — мать.

Поправила, как в детстве, одеяло,
Пол замела, рубахи постирала.
Потом сказала:
— Сын, пора вставать.
И было мне лица не разобрать —
Столь ярким светом горница сияла.

Она сказала:
— Истина взошла.

Приспело время Слову утвердиться.
Ступай, коли не лжец,
Во все границы.
Ступай. Еще довольно в мире зла.
И виждь и внемли далеко-далеко...

— Ты, мать, издалека ли?
— От Истока.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

• • •
Тишина.
Золотая. Большая.
Дальний всплеск,
И опять — тишина.
Это, видно, река,
Засыпая,
Окуней выпускает со дна.

Вздохи трав.
Предвечернее вече
Тишины
Над покоем полей..
Отдохни, человече!..

Мне почудился скрип костылей
В затухающей песне кузнечика.

• • •
Успокойся.

Отринь.

Нам не время сейчас об утратах...

Не печальный пустырь —

Новый день начинается в травах,

Вызревают овсы —

Будут с кормом и овцы, и кони.

Человеческий сын,

Ты в любви эту землю

Запомни.

Эти реки не вспять,

Эти чистые луны над степью.

Вот — молчок.

Вот — опять!

Это песню кузнечик затеплил.

• • •
Запеваю потому, что запеваётся.

Затеваю потому, что затевается.

Лишь бы только допеть

Жизнь до доньшка.

Отковать бы успеть

Всем по солнышку.

Чтоб любая изба — не расшатана.

Чтоб трубили о свадьбах глашатаи.

Чтоб орлами — сыны. Ну а девицы —

Не обманницы чтоб, а степенницы.

Было чтоб не во вред,

Что ни делается...

Отковать бы успеть

Всем по солнышку.

• • •
В дреме любви краткой

Реки — твои речи...

Песню допел кузнечик

И оборвал струны.

В дреме любви краткой

Тайны какой вече?

Страсти какой ветер

Испепелил губы?..

— Это пылал полдень.

Это была жатва.

И не жалел струны

Мастеровой счастья.

Если однажды ветер
Губы мои остудит,
Разве забудет песен?
Разве любви забудет?
Разве забудет в веснах
Кипени белопенной?..

Дочь родилась Елена.
Дочь родилась Елена!..

Нетленна жизнь,
Нетленны наши речи,
Пока не пулемет стучит
В ночи,
А запеваля маленький.
Кузнечик,
По наковальне маленькой стучит.

* * *

Пулямы ще й сабямы казаки-молодцы
Далы досыть ворогу огню прынурыты.
Казачья песня

Ворог мой, постой — покури.
Дай хотя бы слово домолвить...
Лучших дней моих янтари
Полевой повиты соломою.
А солома — колых, колых
На ветрах синевы неблизкой.
Птицей, тополем, полем чистым
Бьют по сердцу любви стволы,
А все травы шумят вдогон.
Под каким бы высоким кровом
Ни был потчеван, самый кровный
Вам, рассветные, мой поклон.
А все птицы летят, летят
Под застрехи сердца ли, солнца.
Подниму воды из колодца:
Пейте, птицы, и поле, и сад.
Ворог мой, постой — покури.
Я по гроб с этой высью повенчан...
Русь моя, ты и тихая вербность,
И суровый набат зари.
Только сердце — колых, колых.
А все травы шумят вдогон.
А все птицы летят, летят.
Только прах — с четырех сторон.
...У невесты горячи январь.
Ты подумай, ворог мой, покури...

Целительны источники истории.
Не первые мы входим в эту жизнь
Затем, чтоб изучить ее теории,
Познать ее крутые виражи,

Познать садов цветенье,
Птичье пенье,
Магнитное явление полюсов...

Литейщик первый.
Землепашец первый.
Кузнец, нам завещавший ремесло ..

ХУДОЖНИК

Снегами взята в белое кольцо
Трамвая остановка кольцевая.
Февраль.
И стужа на одно лицо
Прохожих лица перелицсвала.
В канун сосулук
И в прилет синиц —
Сутулость жестов, сумеречность лиц.
Поскольку нам вслепую по пятам
Холодного движенья не отринуть...
Но в самый раз зато
Начать картину
«Прилет синиц. Большие холода».
Так он размыслил, человек хороший.
А размышляя, краски разминал.
Он валенки затем и к ним калоши,
Как мелочь, на ботинки разменял.
И вышел,
На тепло рукой махнув,
Так, словно бы на время промокнув
Угрюмый хаос, выстудивший город,
Над коим, через силу колокола,
Зашлись навзрыд осин колокола.
И млечным светом серого стекла
Денницы свет — и нежен, и доверчив,
Едва достигнув уровня деревьев,
Из обихода утра был изъят.
Но ощупью почти, как бы незряч,
Он оттенял и чествовал кончину
Зимы, сошедшей все ж наполовину,
Так, словно проследив первопричину,
Округе разрешал он этот плач.

НА ОСТРОВАХ

Солнечно. Сонно.
Медленный вдох
С выдохом леса перемежается.
Перемещается облако в дождь.
К сердцу бережно принимая
Лесотень,
 светосинь,
Начинаю
Этот день
Под синичью морзянку «тинь-тинь».
Островной государь,
Лес уводит лосиной тропой —
Отрывной календарь
Над распахнутой дивно судьбой.
Отмахнусь ли
От наплыва березовых струй,
Как от чистого говора струн
Потревоженных гуслей.
И у сосен ростральных,
Где глухарь, где добыча легка,
Боль свою не истрачу,
Как зазя не затрону курка.
Говорун и молчальник,
Повстречавшийся мне на пути,
Окаянный маячник,
Ты по сердцу меня рассуди:
То ли так одичал я,
То ли стал я к себе же добрей,
То ли это — начало
Самой истинной жизни моей.

ПРИТЧА

Сергею Хохлову

Вжиг да вжик — косит сено мужик у реки,
Крест кляня, комарье и корову.
Глядь — подъехали скопом. По сбруе видать — рыбаки.
Подошли:
— Здравствуй, отче!
— Здорово!

То да се. Покурили.
— А что, есть ли рыба в реке?
Отвечал он мудреней младенца:
— Лавка с двух до семи. Речка не на замке.
Там рыбеха. Куда ж ей и деться.

Ладно.
Сели, закинули снасть. Что за черт?..
Ни поклевки! На том и смотались.
А мужик — вжик да вжик. Жар его не сечет.
Косит там же, где утром расстались.

Подошли.
— Ну так что?.. Нет ведь рыбы в реке.
Отвечал пронизательней старца:
— Лавка с речкой рядком. Речка не на замке.
Вон вас сколь. Так отколь ей и взяться.

И ОТЧИЙ ДОМ, И РОДИНЫ ЧЕРТЫ...

Недавно все:
Стучит капель в окно,
Горланит громко
Запоздалый кочет.
Я замирал,
Я становился кротче —
Сняли детством
Степи
Предо мной.

И отчий дом,
И Родины черты —
Черты любви земной
И постоянства...
Летели поезда,
Роняя дым.
Рвалась душа
В оглохшие пространства.

Мелькали реки,
Лица,
Города...

Но так внезапно все остановилось,
Как будто куда мне не стремилось,
Как будто не спешилось
Никуда.
Как будто
Лишь затем и уезжал,
Чтоб навсегда однажды
Возвратиться,
Смахнуть слезу,
Пред мамой повиниться,
Над жизнью поразмыслить
Не снеса.

Заметить —
Быстротечны дни.
И ты
Уже давно,
Уже давно — не мальчик,
И все, к чему спешил, —
Не эти ль дали?..
И отчий дом.
И памяти скрижали.
И Родины негромкие черты.

СТАРЫЙ САД

Светлой памяти отца
Ивана Фомича

Старый сад устал рождать —
Ветры выстудили кроны,
Облетел наряд зеленый,
Затуманилась душа.

Облаков над садом тень —
Золотой на черном росчерк.
Роковой, за коим день —
Что ни день, то все короче.

И чем выше облака.
Тем печальней свист синицы.
И пока он будет литься,
В лед оденется река.

И однажды на излом
Сад рванет ночные ставни.
За родительским столом
Мне впервые пусто станет.

(Оттого ли, что грачи
От снегов не побелели.
Оттого ли, что врачи
Ошибиться не сумели...)

Скрипнет дверь. Войдет отец.
Снимет шапку у порога.
— Вынь из сердца студенец, —
Скажет строго.

Скажет бережно:
— Сынок,
Выше ада, выше рая —
Память, Родины крыло,
Синь без края.

Где нетленны облака
И прекрасен свист синицы.
Где рска, пока струится,
Даже подо льдом — река.

Где пока сады шумят,
Осыпая мир цветами,
Стрелы наших дней летят,
Оперенные снегами...

ПЕСНЯ

Не от тоски, не от кручины
Уйду в вечерние поля,
Где белым заревом кручины
Родная светится земля.

Ни горя в памяти, ни лиха.
Лишь только ветры гомонят
В седых полях, где журавлихой
Летела молодость моя.

Земля моя, моя кручина,
К тебе в бессменную страду
Приду однажды я и сына
Заветной стежкой приведу.

Сестрою стань ему крушина,
Опорой всрною — земля...
Пусть он за песней журавлиной
Уйдет в вечерние поля.

* * *
Сирень восторженно цвела.
Плыла, вскипала, пела.
И капли падали с весла.
И речка голубела.

И юный паж,
Бездомный псс,
Настигнутый любовью,
Увидел вдруг: сирени звезд
Припали к изголовью.

...Далече тропы пролегли
От юности всеюлой.
И не сирень, а ковыли
Легли снегами в поле.

Девчонки той и след простыл.
Кричать — не докричатся.
И нет у нас волшебных крыл,
Чтобы вослед податься.

Так почему ж за сводом лет,
День ото дня больнее,
Припомнив той сирени цвет,
От рсвности бледнеем?..

СТАРЫЕ ГЛИНИЩА

Старые глинища...
Тропка примятая в детство,
В детство, что пахнет войною еще
И разрухой.
Старые глинища...
Хата с рекой по соседству.
В хате ничья,
Позабитая всеми старуха.
Пять пацанов,
Плутоватых,
Никчемных,
Бездомных, —
Горькой слсзою
На впалой щеке у народа...
Облаком желтым
Пылит над замесом солома.
Десять картошек
Старуха несет с огорода.
Десять картошек,
По паре картошек на брата.
Десять картошек,
Работой случайной добытых!..
Что ж ты молчишь,
Опоздавший застенчивый пятый!
Платье потерто твое
И ботинки разбиты.
Что ж ты молчишь,
Словно речи лишился и слуха?
Что ж ты молчишь
Над водой золотой и зеленой,
Словно вот-вот
Запуржит и заплещет солома...
Словно вот-вот
Одинокая выйдет старуха,

Перестану есть.
Перестану пить.
Перестану петь.
Перестану быть.

Снимет шапку друг.
Слез не станет друг.
Среди новых двух
Поспешит забыть.

Друг былой — не тать,
Все прощу ему...
Мне заглавней знать,
Что в твоём дому.

А в твоём дому
О семи углах
По перинам — пух,
А по сердцу — страх.

...Подвишься вслух:
— Лебедный пух?

КОРАБЛЬ

Ты, как и я, не знаешь о грядущем
И не гадаешь тайно о судьбе.
И, может статься, что простор зовущий
Стальнойю трезубец выкрит тебе.

И, может статься, угодишь на мину,
Спеша в ночи на бедствия сигнал...
Возможно, круто замесил я глину,
Возможно, резче все обрисовал.

Но что — судьба?
И что нам знать в грядущем?
Есть жизни зов, как древний зов морей,
Быть тонущим, спасающим, плывущим —
Бегущим быть
От сонных пристаней!..

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

А было так:
Белым-бело
Деревья цветом замело.
Заборы пахли свежей краской.
И был прекрасен
Летающий из промытых окон
Весны проклюнувшийся кокон —
Мотив старинный.
Лебедино
Ожидалась радость.

И неожиданно
Стал падать он.

Стал падать, падать.
И таять, и вспухать дождинами
На сизых ветках
Снег случайный.

Смущенный,
Смутный и отчаянный,
Он сразу стаял.

Сerpантинно
Синсло взмокшее шоссе.
Земля парилась.
Было дымно
От птиц и музыки.
И смех
Сыпуче лился.
О погоде
Всцала щедро синсва.
Дышали влажно деревья.

Всенний снег...
У подворотен
Водой кружил он, вороша
И лист, и мусор прошлогодний.
Округе всей отгороша
О том, что отшумели вьюги
И что зима во всей округе
Действительно уже
Прошла.

л. б.

Ты смотришь на солнце
Сквозь льдины ладоней.
Хохочешь.
В ладони роняешь лицо...
Пустышка, синица,
Ты сердца не тронешь,
Как вспять не покатишь
Судьбы колесо.

Так гаснет огонь
На кострище забытом,
Где пламень из пепла
Уже не раздуть.
Так гаснет цветок
Под жестоким копытом—
Нам заново к жизни его
Не вернуть.

От нашей любви
Только пепел остался.
Остался никчемный калека-цветок.
...Вот луч золотой
Процедила сквозь пальцы.
И серым он стал,
Что прибрежный песок.

СТАТУИ

Статуи,
Как вам ночами спится.
Если спится?
Что тогда вам снится?
Снятся ли вам добрые ваятели,
Те, кому вы красотой обязаны?
Снятся ли вам строгие смотрители
В синих фартуках, тесемками подвязанных?
Так нежны их руки
И внимательны...
Статуи.
А вам понять такое —
Ливня ливни,
Метелей маята,
Медленные, нежные уста
И на сонных улицах с утра
Тополей зеленое «ура».
Статуи,
Не спится вам, не снится.
Паузой — застывшие ресницы.
Паузой — мерцающие плечи.
И грустить вам не о чем
И нечем.
И чисты вы в красоте своей,
И безгрешны в нагоде своей.
Ухожу ль от споров грошевых,
Роюсь ли в искусства тайниках,
Статуи,
О ваших двойниках
Думаю —
О грешных и живых.

БАЛЛАДА О БЛУДНОМ СЫНЕ

Дом покинув,
Гордый и упрямый,
Сын прошел по тропам ледовитым.
Пустотою лишь набив карманы,
Ни богатым он не стал,
Ни знаменитым.
С карабином шел, без карабина, —
Пахла кровью воля,
Потом,
Пснной...
Окликнула мать —
Не внял тревоге.
Шел. Стонало сердце и скорбело.
Оглянулся — подломились ноги:
Так незримо вечность пролетела!
Сын пришел, разбитый и усталый,
Сын пришел к разбитому корыту.
Постучался сын в родимый ставень:
Ни души.
Лишь настезь дверь открыта.
Сын преодолел порога плаху.
Пустоту разъял, раздвинул стены:
Ни души.
Лишь потянуло прахом,
Холодом и свистом —
Из вселенной.
Только неба раскололась чаша.
Луч упал к ногам,
Как перст господен:
— Встань, ретивец.
Прочь ступай, пропащий!
Ты искал свободы. Ты свободен.

Забыты прежние обиды.
К чертям собачьим — все наветы.
Я снова — вот он,
Поздний гость.
И белых фар огнем размыты
Всей комнаты твоей предметы.
По стенам отсветы их — вкось.

Твоих ладоней не касаясь, —
Но каюсь где-то в глубине,
Что не касаясь, — замыкаюсь.
Молчу, как будто впласть пускаюсь
По зыбкой этой тишине.

Но к нам приходит откровенье
Извне,
Спасительной рукой, —
Забытого стихотворенья
Насквозь просвеченной строкой.

Заснеженным сияньем веток
В окне.
В сиянье мрак одет.
И нам почти не нужно света.
Но снова нет как нет
Просвета
Между твоими «да» и «нет».

СТАРИК

И птиц осенний перелет,
И листьев перелет
На переплет окна
И на
Моста литой пролет.
И на руках у высоты
Чугунной, словно взят
Ты на поруки ею,
Ты
Вперед спешишь, назад.
Мне не узнать начал —
Начал
Согбенности твоей.
(Но вот ведь — соловей садах,
А песенка светлей.)
И середины не узнать.
(Но строг и светел лик...)
Прости, старик.
Прощай, старик.
Не обессудь, старик.
Как одиночество твое.
Распахнут окоем.
В нем крыл прощальных острие
И листьев лёта. И в том
Я понимаю, человек,
Растерянность твою,
Как и листья последний сверк
За полосой вьюг.
Река качает катера,
И не спеша, не вдруг
Идет природа на тран.
На следующий круг.

Посреди бетона и металла,
Закусив до звона удила,
Звоны рассыпая, от вокзала
Электричка отошла.

Посреди бетона и металла,
Будто ветер выстелил ковыль, —
С шиком,
На закорках самосвала,
В неизвестность пропылила пыль.

Посреди бетона и металла
Облаков надменны этажи...
Тысячи сравнений и метафор
Мне на выбор город предложил.

Ай да мастер!
Выкинул коленце!
Восторгаться только не спеши:
Образы твои — переселенцы,
Как и сам ты, мастер,
Из глуши,

Что жива еще под звездным кровом,
Где стыдлива до сих пор заря,
Где в чести еще родное слово,
Ясное пока без словаря.

* * *

Человек я.
Живу, возгораясь,
Восходя над полотнищем дня,
Так, что солнце лишь повторяет.
Повторяет солнце меня.

Но, светило, рожденное небом,
Где твой верности небу обет?..
На лугах, на снегах моих нежась,
Ты даруешь земным побережьям
Неизбывной влюбленности свст.

О, избраннице верность свягая!
Но, земля,
Но, мой шар голубой,
Ты скажи — столько раз умирал я
Не за вечную ль эту любовь?

КРЕЧЕТ

Сергею Квитко

И бродяга, и ушкуйник
По судьбе и по душе,
У земли живу на первом
Неоглядном этаже.

В государстве полуночном
Неба, сосен и болот.
Благодарствуя за то, что
Писем почта не несет.

И за то, что каждый вечер
Ходит в небе тяжело
Золотой окраски кречет,
Опираясь на крыло.

То он ближе, то далече.
От беды ли? От тоски
И каким ветрам навстречу —
Два крыла, как две руки.

От какой кручины кружит,
Нежит небо тяжело...
С высотой то ли сдюжит,
То ли выронит крыло?..

Какая теплая зима!
Кубань. Юга, мой друг. Однако
На сердце — словно бы сума.
И кукиш тычется из мрака.

Как будто не был ты любим
Родными, женщиной, друзьями,
Те — под крестом,
а та — с другим,
А эти заняты делами.

А проще, — заняты собой...
Но чем больнее, тем вольнее
В душе наметившийся сбой
Слезой утешить, как елеем.

И все-таки, как ни крути, --
Через немислимые дали,
На гибельном твоём пути
Они не раз тебя спасали.

Когда один среди голых льдин
Лежал торосом исковеркан,
Хрипел ты:
— Держимся, Вадим.

Хрипел ты:
— Будем жить, Валерка.

И выходил. И выходил
К жилью задымленных факторий.
— Еще мы встретимся, Вадим.
— Еще, Валерка, мы поспорим.

И за тронх ты хохотал.
Ты никогда не слыл угрюмцем.
Не зря старинный друг назвал
Тебя в стихах своих безумцем.

* * *
Первою красавицей слыла
Та, что суетится у стола,
Та, что чай по чашкам разлила,
Про любовь турусы развела.

— Ах, оставьте!
Ни к чему, мадам,
Нам вдвоем тащиться по следам
Той несостоявшейся любви,
Где и днесь не смолкли соловьи.

Где прсвыше счастья — два крыла.
Трепетных. Из света и тепла.
Где еще простушкой слыла
Птаха та, что море подожгла...

Но, мадам, зачем же вдруг — слеза?
Я ведь и словечка не сказал.
Чай — так чай.

Сочту за честь.

Я — за!

Как зовут хоть вашего туза?

А мадам в ответ все то же:
— Хоть в стога.
Хоть в снега.
Хоть к черту на рога...

ВЗГЛЯД

А дни уже заметно прибывают.
Озимых злаков нежные ростки
Уже заметно в росте прибавляют
— А вместе с ними лезут сорняки.

Не умолчу о взрослом поколенье:
Не только липы,
Лип седые пни —
Все тянется за светодобавленьем.
— А ну, который сзади, подтолкни!

Надежна связь «дороги — ноги».
Разбиты ноги — не беда.
Есть подорожник при дороге
На крайний случай.
Вот когда
В дорогу вера надломилась,
Та, что была сильнее пут,
Тогда — беда.
— Счастливо, милый!
Ступай же...
— Ноги не идут.

За стеною собака скулила.
За дощатой, за тонкой стеной.
Так скулила, что сердце заныло,
Вырываясь из клетки грудной.

За стеною гармошка играла,
То и дело срываясь на всхлип.
И аккорд без конца и начала
Тискал душу, пока не охрип.

Я подумал: «Какое мне дело...»
Вышел в ночь. Но и в звездной тиши
Уходить никуда не хотела
Та чужая тоска из души.

И пока уходил я, куда
Засыпал на оссиной земле,
Та собака скулила повсюду.
Неотступно скулила во мгле.

Была, что первый снег,
Любовь ты моя первая.
Иные шли снега,
Над сердцем брал и верх.
В снегах виски мои.
Я нынче верую —
Последним тает
Самый первый снег.

Всех влюбленных начисто дурманя,
Уводя в немислимый полет,
Майскою порою на Кубани
Белая акация цветет.

Вот иду весенним Краснодаром,
Словно тундрой, взятой напрокат,
Плитняком бетонным тротуара —
Так пуржит он, белый снегопад.

В этой свадьбе ссевера и юга
Я найду Полярную звезду.
Лишь по ней
Из давних дней подругу
Никуда не уведу.

Потому как слишком одичал я,
Словно зимний северный причал...
Но в снегах, отторгнутых причалом,
Белый цвет о юности кричал.

А в снегах — седины и морщины.
Не пустяк, но годы пролегли...
Отчего ж споткнулся ты,
Мужчина,

О порог отеческой земли?

Отвечаю:

Оттого, что долго,
Слишком долго ехал, шел и плыл,
Позабыл себя в пути. Не только —
Лебединый всплеск влюбленных крыл.

Оттого, что напрочь перепутал
Возраст, пламень глаз и ход светил.
...Белый цвет акации. Он будто
Сердца память.

Так и жжет в горсти!

Прекрасны дни на родине моей.
Огненные, в гречишных звонах лета,
Когда, участием дружеским согрета,
Парит душа над займищем полей.

И так просторно в горнице души.
И столько в мире света и покоя,
Что кажется быллинкою любовью
Повелевает степь: «Живи, дыши».

Эге-ге-гей!

Склевал зарю сазан.
Склевало время сабельные звоны
Там, где, как детства чистые глаза,
Глядятся вербы в синеву затона.

Здесь высился курган,
Курган Любви.
Его смели проекты Гидростроя.
Здесь нынче поколение другое
Влюбленных и другие соловьи.

Иной в ходу, магнитофонный, стиль...
И все-таки скажу не без печали:
Те птахи лучше все-таки звучали —
Хотя бы тем уже, что исключали
Расхожести заигранный утиль.

И все-таки скажу не без печали —
Возможно, друг мой, обветшали мы
В тех далях, что о гибсели кричали.
Где в ледяной ночи упряжки мчали
Нас, ледяных, среди полярной тьмы.

И все-таки
Родная сторона,
Она, как мать, худого вслед не скажет.
Уходишь — пристально тебе помашет,
Приходишь —
Как тогда пьянит она!

Когда вот так пред займищем полей,
Как блудный сын, ты руки простираешь
И всею болью сердца понимаешь —
Прекрасны дни на родине твоей.

Прекрасны дни на родине твоей,
Отсюда и твоя звезда видней.

ПРАЗДНИК КРАСНОЙ СУББОТЫ

(Из таймырской тетради)

В заполярном порту
На расмытом причале
На студеном ветру
Облетали печали.

Было нам не до них
Средь лихого завала
Шпал и крыг ледяных
И больного металла.

Ну силен Енисей!
Ну подкинул работы!
Шел в широкой красе
Праздник «красной субботы».

И навстречу весне
Шаг за шагом, по капле,
Харьюзом на блесне
Я разматывал кабель.

И навстречу весне
Сам начальник района,
Скинув плащ и кашне,
Кран толкал многотонный.

Было все по уму,
На дыханье едином.
Портофлот на весну
Разворачивал льдины.

Знали мы, что вот-вот
Прогулят без обмана
Из-за вздыбленных вод
Корабли каравана.

Знали мы, что вот-вот,
Как азарт и охота,
Без обмана придет
И заманит работа.

Все, что нынче, — пустяк.
Это вроде разминки.
Что ж мы, что ли, в гостях
На причалах Дудянки?

Не на льдине, так что,
Не полярники, что ли?..
А диспетчер Строчко
Речь для встречи готовил.

Дескать, чтоб по уму!..
Ах, диспетчер, диспетчер,
Без речей нас поймут
Капитаны при встрече.

Ноль уж хочешь, толкни,
Чтобы было как в сказке,
Чтобы сдвинуть столы
От Москвы до Аляски.

Что ж во имя Всенны
И во имя Работы
Шел в страну из страны
Праздник «красной субботы».

Так решил коллектив.
И вздохнув: «Хорошо бы...»,
Оглядели залив,
Молча скинули роботы.

Все надеясь — а вдруг...
Ну, а после с песочком
Смыли ржавчину с рук,
Как поставили точку.

И без дела уже
Разбрелись по причалам.
Просто, видно, душе
Было праздника мало.

Электричество жгли.
Жгли дыханье полгода.
...Не прашили корабли
Из-за мерзкой погоды.

...

Ненадолго от белых зимовий
Возвращаясь к людскому жилью,
За снегами подворье Прасковьи
Издалека еще узнаю.

Угадасшь ты сразу едва ль
По весьма обиходным приметам —
Допотопный домишко ли это,
Допотопный ли это корабль.

Кто хозяин?
И чем знаменит
На поморье старинном?..
Во дворе колоколец гудит.
Якорей неприкаянный вид
Средь студеной равнины.

Далеко колоколец гудит.
Окликает. Но сердце саднит
От протяжного, долгого гуда.
Оттого ль, что товарищ зарыт
Часковьянина сруба?..

Оттого ль, что опять замела
Непогода по отмелям ржавым.
И студеные пальцы свела
На окраине державы?..

Но сойдутся в пространстве одном
Заповедным огнем очищенный
Эта боль
И свечение
Непечатых снегов за окном.

Изыскатель улыбки людской,
Свято верящий в дружбу людскую,
Память людям оставлю какую,
Уходя на последний покой?..

А Прасковья достойно жила.
Эту землю по чести бляюла.
Берегла этот край от потравы,
Знала тропы, и броды, и травы,
Веслецом хорошенько гребла.

Персможется грусть.
И за грустью
Журавлиный затеплится клин.
И частушечный пламень рябин
Разольется от Ковды до Устюга.

Отзовется в крови. Обоймет
Лесом, берсгом ли. И тихо
Мне припомнится журавлиха
У иных, пламенющихся вод.

У степных,
Самых первых моих
Берегов,
У отеческой песни,
Что была мне, как есть, поднебесьем
И дыханьем осенних гвоздик.

И теплом предвечерних полей...
Но в веселом сиянье денницы
Не накличут усталые птицы
Ни вестей от тебя, ни гостей.

Лишь помыслится тихо о том,
Что и жизнью немного отпущено.
Как же надо любить эти кущи,
Чтоб не мучиться горько потом

Над судьбой обездоленной птахи;
И в осенних ветрах над жнивьем
Не грустить, не вздыхать и не ахать
Одиноким как есть журавлем.

Снова жизнь начинаю с нуля.
Жми, водитель. Ни горя, ни страха!..
Чтоб навстречу огнями Талнаха,
Накренься, наплывала земля.

Жми, водитель. И мне не впервой,
Пролетая над бездной кювета,
Головой рисковать ли, судьбой,
Как умеют в России поэты.

Жми, водитель. Есть служба ГАИ.
Но и есть исключенья из правил,
Я стихи и поэмы свои
На хранение музам оставил.

Жми, водитель. Еще мы споем,
В песнях честь соблюдая и порядок,
Про тоску холостяцких палаток,
Про изрытый пургой оком.

И про то, как летя сквозь пургу,
Рубежей мы своих не сдавали.
Как озябшую эту строку,
Отдышав, на потом оставляли.

У судьбы на изломе крутом —
На потом.

На потом.

На потом.

БОБЫЛИ

Валерию Костюхину

Наши жены ушли,
Как уходит вода сквозь дернину.
Разошлись корабли —
Не нищи, не свищи половину.

Однолюбы-бойцы, гордецы,
Настежь наши тылы пораскрыты.
Одиночки-отцы, ваших дум солонцы
Ядовиты.

Как живем, бобыли? Застоялись кровя?
— Эй, блудницы!..

Выходите сразиться бровя на бровя,
боль на боль,
стыд на стыд.
СПИД на СПИД.

— Лучче б, Федя, — на спирт...

Ах, и что ж это в мире творится!

Не боли, голова,
Моя мысленница, бестолковка,
Пусть пройдетя она по тылам,
Пусть она порезвится,
Молва.
Нам она — порожняк, да и только.

Вот починим узду,
Зануздаем коня,
Да и вымахнем в поле. На воле —
При себе,
При коле,
При родной стороне —
Жизнь терпима вполне.
Как при доле.

УМЕРЛА СТАРУШКА

Без божественно чутких, корявых ушей при стене
Я — что всадник, бредущий пешком при здоровом коне.
Ощущая свободу, я впервые не знаю, как быть —
То ли в небе парить, то ли давним друзьям позвонить.
Без оглядки.

Поскольку,

Всем локаграм мира сродни,
Тети Фаины уши были цепки, как две западни.

Гениальны настолько,

Что из пары блуждающих фраз

Тетя Фая сплетала сорок сплетен про вас.

И еще оставалось в занас

Матерьяла...

Фея склочных страстей,

Кардинал коммунальных систем,

Заратустра, помноженный на ЭВМ,

Знала точно старушка,

Кто, когда, от кого и кого нам родит.

Знала тайные шашни неземных и земных афродит.

Знала также и то, что у Войтова, члена ЦК,

Есть на Ближнем Востоке волосатая дюже рука.

Что поэт Непобеда

Пропил ямб, а жгуну разнесил на хорей.

Что китайцы, забросив пшеницу, возделывать стали

Пырей.

Знала много чего...

Но хватил тетю Фаю удар.

Крест ее на могиле

Глух и нем, как заглохший радар.

И никто не оплакал старушку,

Никто не пришел проводить...

Это ж надо при жизни и дальним и ближним —

Так

Досадить!

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Потемнели мои севера,
Обветшала лесов моих кровля,
Хоть не время еще топорам,
Загудев, разгуляться по кронам.

И не время еще торопить
Всвоюсь возок неуклюжий
Дум, которых век не избыть,
Дней протяжных,
Как скрипы уключин.

Что ж такое случилось со мной?..
Отчего над тесовою крышей
Каждый лист провожаю с тоской,
Словно больше век не услышу.

Глухо как!..

А ведь только вчера

Так легко и крылато звенели...

Кто ж виновен, что так потемнели,

Облетели мои севера?

ОСЕНЬ

Ай да осень!..

Отманила. Отманежила.

Нынче масть ее червоная — не в масть.

Над Таймыром, над полярным побережьем

Ветра белого языческая власть.

Ветра белого летят упряжки снежные.

Белый ветер. Белый морок. Белый лист

В зимовье моем над белою столешницей

Белым облаком бессонниц отболит.

Ой ли, осень, так до срока поседевшая!..
Хоть ярься ты, хоть смиришь, пора пришла
Расплатиться, отквитать

(когда бы — денежкой!) —

За утех, за мгновения тьпыла,
За обманно-гулеванное доверие
Легкомысленных подруг твоих,
Жена...

А жена с другим за запертою дверью...
Все — вина. На всем лежит вина.
— Не моя, — скрипел зубами в лютой ярости.
Зверя гнал, с плеча срывая карабин.
Падал. Настигал. Пока от жалости
Нс зашлась душа: «Виновен, сукин сын».
Грешен, люди!..

Вот уж солнце долу падает.
Там и жизнь, глядишь, сойдет за горизонт...
Спит напарник. Дремлет пес, ушами прядая,
Полуволк с дурастой кличкой — Фармазон.
Я ни разу не слышал, чтоб по-собачьи он
Лихо взлаял иль от волчьей взвыл тоски...
Славно,

с верой в непорочное зачатие,
Жизнь прожить среди людей и по-людски.
Тут же все, куда ни кинь, — во зло, навыворот.
То, что светлым быть должно, — черным-черно.
Каюсь, люди. Чую — снова ищет выхода
Иррациональное зерно.

БЕЗУМЕЦ

Целовала и в губы, и в щеки.
В грудь. И вовсе незнамо куда.
Ревновала к лесам и протокам,
К залетающим в сны поездам.

Миловала. Уютом обстала
Поперек безоглядных дорог.
Так сто лет миновало без мала.
Взял котомку. Шагнул за порог.

— Муженек, далеко ли?..
— Далече,
Хоть всего-то рукой и подать —
В чистом поле, за быстрой ли речкой
Позабить о любви твоей вечной.
Краткой волушкой власть подышать.

СОН

И приснилось мне: из шелухи
Поцелуев, рассветов, гераней
Возникли стихийно стихи.
Из давно забытых. Из ранних.
Вдруг ожив, громыхали в сенах,
Лезли подполом:
— Слушай, хозяин!

Не откроешь, за совесть и страх, —
Обольешься, ужо не слезами.
Мы с тобою, за совесть и страх,
Были рядом в секунду любую.
Так скажи, на каких ты правах
Нас из книжек изъял подчистую?
Знал я, что им ответить, как знал
Их, спесивых и самовлюбленных,
Шитых нитью лучей отраженных.
И поскольку их знал,
Я молчал.

Да и то:
Отзовись — пропадешь.
Только пикни — прикончат на месте.

Так и есть. Мимо глаз моих нож
Просквозил
Скучным символом мести.
Только чу!.. Попритихла братва.
Вот и вовсе, как дым, растворилась.
И тогда, как листва и трава
Прорастают,
Она появилась.
В светлом платье. Походка легка.
Из какой такой небыли-были?
— Я вчерашняя ваша строка.
Вы, хозяин, меня позабыли.
Улыбнулась, тоскуя, маня,
Будто жизни глоток перед смертью.
Хороша. Неужели моя?..
— Я единственно ваша, поверьте.

ВСПЛЕСКИ

Поэма

I

Дым сырой боярышника,
Едкий
Дым осины.
Разве ж то дрова!..
Спичек в доме нет. Бегу к соседке.
А соседка сутки, как вдова.
Миром всем соседке подсобили
Схоронить.
Я без огня ушел...

Холодали. Шкодили. Шпанили.
Только подчистую не валили
Леса. Это помню хорошо
Ну так вот,
Я б не тянул из детства
Горестную эту канитель,
Если б не проснулся вдруг от треска
Бензопил.

Железная свирель,
Будто дрель, дырявила окрестность.

В лютых днях не тронутые нами,
Шли в расход столетние дубы.
Заживо.

С листвою и корнями.
Довершал разбой плакат корявый:
«В мать креста. Стране нужны кубы!»

Кто-то краской черною на жести
Начертал.
По дури ли, из мести.
Мстил кому? Невесте? Теще с тестем?
Роковым превратностям судьбы?

И, конечно, были не на месте
Рядом с прочими словами в тексте
Про страну слова
И про кубы.

2

Про кубы я знаю от и до,
Суши и морей хвативши вволю.
Я узнал, к примеру,
Сколько соли
Весит куб при качке штормовой.
Куб скалы под вечной мерзлотой
Жизни мне без малого не стоил.

Только чтоб живое — на кубы!..
Говорят, в семье не без урода.
Знать бы — кто.
Да изловить кабы.
Да спросить с поганца принародно!

Так я горько гневался,
Пока
Впереди лысели облака.
Отражая лысину деланы,
Только все ж замешкался слегка,
В вальщике легко узнав годка,
Друга детства
Дробота Ивана.

3

— Николай!
Да ты ли?..
Жив-здоров?..
Надолго ли, братка, с северов?
— Надолго. Но как же это, Ваня?..
— Так.

Да только ты не горячись.
Ты вокруг сначала оглянись —
Вон Макей, а там Трофимов Саня.
Мне не веришь, так пойдй спроси:
Тут виною бывший председатель,
Вроде б не ворюга, не предатель,
Бестолков вот только да спесив.
С ним на всех собраниях подпевалы
И кивалы рангом поглупей.
Этих вовсе нипочем не свалишь
Самой честной логикой твоей.
Ясно:
Всем нужна нам перестройка,
Четкий по бригадам хозрасчет.
Только сумма в три миллиона долга
Нас пока что давит и сечет.
Ясно — что-то сдвинулось.
Конечно,
Главный камень в темноте крошечной
Откатили, братка, из-под ног!

Но остались те, кто под личиной
Всенародных выгод и починов
Личный свой выгадывали прок.
Вспомни:
Гербициды, фунгициды,
Пестициды, господи прости.
Вся эта гремучая отрава
Многим принесли почет и славу —
Звезды на грудях, деньга в горсти.
А земля,
Родная мать-землица,
Обернулась мачехой, блудницей,
Отказавшись начисто рожать.
Вот и двинул лиходеи идею:
Лес свалить,
А землю запахать.

4

— Ты когда приехал, не вчера ли?
Вот и говорю: «Не горячись».
Лес мы общим сходом
Отстояли.
А кого хозяином избрали,
Угадай..
А лучше уж женись.
— Стой-ка!..
Да неужто Калмыкову?..
— Ты б послушал,
Как она толково
Рассудила все про нашу жизнь.
Про дела про все и про заботы,
Про корма, про землю
И про всходы
Доброты и совести людской.
Сникли подпевалы и кивалы
От ее толковости такой.

Порешили:
Коль уж прогрешили,
До ума избыток довести —
Довалить,
Чтоб площадь чуть расширить.
Вывезти хлысты да завезти
Все как есть для кооператива,
Для пенсионеров.
Знаешь сам,
Сколь у нас и ягод по лесам,
И грибов, и диких груш, и сливы.
Сколько трав целебных и корней.
Это дело верного верней,
Старикам и в радость,
И в подспорье.
— Ладно..
Ты прости, что налетел.
В мать креста..
— А-а, братка, углядел?
Так пойми ты —
Это ж я от горя.
~~Ты пойми ты~~
Глупый всплеск разгневанной души.
Будешь возвращаться — сокруши.
Вечером жди в гости,
Ясно море.

5

Из пустоты не вырастет трава.
Родной порог — не легкая полова..
Кто б мог подумать —
Катя Калмыкова
Всему колхозу мать и голова.
Ах, Катя, Катя!..
Сердца поздний всплеск
Вдруг разойдется далеко кругами.

И высветит за дальними лугами
И детство наше,
И дремучий лес.
И нам одним известный родничок,
Хранящий губ твоих прикосновенье.
И первых чувств счастливое томленье,
И жарких дум
Надломленный бочок.
Смеялся лес.
И таволга цвела.
И мы с тобой смеялись простодушно.
И никакого ханжества и зла,
И никакого хамского удушья
Не знали мы.
Хотели лишь добра
Всем:
Тополям,
Могилам незабвенным,
Лугам и пашням,
Матерям согбенным,
Работой умыканным с утра.
Любили мы в ночи
За сснником,
У старой и заброшенной криницы,
Подслушать пенье непонятной птицы,
Владеющей нептичьим языком.
Она произносила нежно «сплю»
И снова — «сплю»,
С коротким интервалом.
Ты эту птицу сплюшкой называла.
А я себе поклялся —
Изловлю.

6

Мне всплеск печали давней поднесет
Почти к глазам,

Отчетливо и ясно,
К распадкам уходящий самолет
И сотни верст безлюдного пространства.
Где птицу ту, что говорила «сплю»
Я распознал
В сполохах серебристых.

Остер у птицы той и хищен
Клюв.

А лапы

Беспощадны и когтисты.

Удар — и «сплю»,

Удар — и снова «сплю»

Легко летит в обманутые дали...

Не так ли тебя, Родина, терзали,

По-совьи нежно говоря «люблю»,

Все оборотни

Нынешних времен...

* * * * *

Я оборвал с осины ту жестянку.

И хоть в стволе ее осталась ранка,

Вздыхнулось легче.

Хоть и треск, и стон

Еще пласталась сзади перелеском...

Прости нам, лес.

И отчий край, прости.

Все это — догорающие всплески.

Того, что всем пришлось

Перенести.

7

Петров бугор за ериком Горышным...

Отсюда вся станичка на виду.

Сто двадцать крыш.

Здесь крыты дранью крыши.

Давным-давно
Она была в ходу.
Петров бугор...
Отсюда вся станничка,
Левадами сбежавшая к реке,
Мне кажется синичкой-белышкой
У леса в осторожном кулаке.
Петров бугор, я снова здесь,
И снова,
Как и в любом из прожитых
Году,
Мне больно видеть
Старенькие кровли
И хат твоих глухую немоту.
Птенцы твои,
Оперившись едва лишь,
Подобно мне, летели в города,
Откуда лишь гудочки подзвали —
Мол, жив-здоров.
И то лишь иногда...

Кто оставался?
Тс, кому житуха
Подрезала свободные крыла:
У этого, как якорь, мать-старуха,
Та без отцовства двойню родила.
Грязь, бездорожье...
Мало чем прельщала
Запущенность во всем
Да матюги.
Да те же подпевалы и кивалы,
Лесов и пашен тайные враги.

Петров бугор,
Прости, что вспомнил лихом
Я незабытой юности года.

Была твоя всех слаще
Земляника.
И всех вкусней
Твоих ключей вода.

— Здорово, дядь. — Вихрастая ватажка
Ломилась через чащу, напрямки:
Кто с палкой,
Кто с ведерком,
Кто с рубашкой
Через плечо...

— Здорово, казаки.

По ягоды?

— Ага. А вы приезжий?

— Да не совсем.

Приблизилась братва.

И любопытства огонек забрезжил

В их лицах загорелых. И едва

Я узан был —

Просыпались, как дождик,

Слова.

И целый ворох новостей

Вскружил, и освежил, и растревожил

Все захоронки памяти моей.

— Завод кирпичный строим на Апчасе.
(И я там глину некогда месил.)

— Серега может ездить на КамАЗе.

— А Гресь на скачках

Все забрал призы.

— А мы управа Рейганом прозвали.

— За что ж вы так его?

— Шо дуже врет.

И водку пьет у Жучихи в подвале.

— И коников кататься не дает.

Петров бугор,

Известно, — время лечит.
И свято веря в крепь родной земли,
Я так скажу:
Хоть лес и покалечен,
Мы главное —
Подлесок сберегли.

8

Кто скажет:
Нам легко ли, тяжело,
Когда на плечи скидываем ношу.
Со стороны помыслить —
И весло
Легко взлетает, словно бы крыло,
Хоть внешне они в общем-то не схожи.

Поднимемся не враз мы, может быть.
(Но холодом встречал нас и Рейкьявик.)
И оборотень-враг еще нам явит
Поганый лик. И это может быть.
Но, слава богу, —
Не в тумане плыты..
Спадает мгла.
И хочется обнять
В потоках очищающего света
Всю землю...
Так скликай, станичка-мать,
Сынов своих, затерянных не где-то.

Чтоб им не где-то
Памятью кружить,
Кохая детства малую травину,
Но всей своей любовью воскресить
Нутро полей,
Загубленных безвинно.

И честь по чести возратить стране
Тот тяжкий долг,
Накопленный не нами;
Не лесом, что здоров,
Не соловьями,
Безумствующими по весне,
Че тенью, наведенной на плетень,
Грозящей и обманом, и обвалом.

...Подумалось:
Как ясен этот день,
Начаться обещавший со скандала.

Подумалось:
Походный чемодан
Стоит, почти еще не распакован.
Что не Таймыр,
Не город Магадан,
Но отчий дом —
Судьбы твоей основа.
Петров бугор, на праведной крови
Взошедший,
Весь объятый светом резким.

Подумалось...
И слезы лишь...
Как всплески —
Обиды? Гнева? Нежности? Любви?

СОДЕРЖАНИЕ

От Истока	3	
Песни любви	7	
«Ворог мой, постой — покураи...»	11	
«Целительны источники истории...»	12	
Художник	13	
На островах	14	
Притча	15	
И отчий дом, и Родины черты...	16	
Старый сад	17	
Песня	19	
«Сирень восторженно цвела...»	20	
Старые глиница	21	
«Перестану есть. Перестану пить...»	22	
Корабль	23	
Весенний снег	23	
«Ты смотришь на солнце...»	25	
Статуи	26	
Баллада о блудном сыне	27	
«Забыты прежние обиды...»	28	
Сгарии	29	
«Посреди бетона и металла...»	30	
«Человек я. Живу, возгораясь...»	31	
Кречет	32	
«Наякая теплая зима!»	33	
«Первою красавицей слыла...»	34	
Взгляд	35	
«Надежна связь «дороги — ноги...»	36	
«За стеною собака снулила...»	37	
«Была, что первый снег...»	37	
«Всех влюбленных начисто дурманя...»	38	
«Прекрасны дни на родине моей...»	39	
Праздник «красной субботы»	41	
«Ненадолго от белых зимовий...»	43	
«Переможется грусть...»	45	
«Снова жизнь начинаю с нуля...»	46	
Бобыли	47	
Умерла старушка	48	
Памяти Николая Рубцова	49	
Осень	49	
Безумец	50	
Сон	51	
Всплески. П о э м а	53	